

44.95
Леонтьев Валерий

Среди вопросов, которые хотелось задать Валерию Леонтьеву, был и такой: «Вы творите свой праздник «назло» неласковой действительности — или вам удается отстраниться, «отгородиться» от нее?» Оказалось — нелепый вопрос. Я поняла это, когда увидела Леонтьева, входящего в концертный зал «Россия». В тот вечер ему предстояло отработать третий из шести запланированных сольных концертов. А накануне убили Влада Листьева...

В служебный вестибюль усталой, чуть замедленной походкой вошел неожиданно хрупкий человек. В измученных глазах его застыли боль и растерянность. Остановившись возле пожилой вахтерши на входе, Леонтьев как-то затравленно оглянулся и произнес тихо: «Ну что же это, как мне выступать — так война...» В тот вечер задавать ему какие-то вопросы было немыслимо. Наш разговор состоялся чуть позже. Шок уже прошел, но боль в глазах осталась. И первые слова Валерия Яковлевича были все о том же, о перестрелке, в которой мы все сегодня — невольные участники или свидетели.

— Мой праздник всегда кажется неуместным. Я вечно в этой ловушке. Потому что если нет заказного убийства, то штурмуют Белый дом или идет война. А если нет войны, то кто-то рядом от голода погибает. От этого явственно ощущаю на себе мощный психический гнет. Хотя в творчестве я сегодня свободнее, чем когда-либо. Надо мной не висит дамоклов меч худсоветов, непонятных звонков, допустим, в дирекцию концертного зала «Россия». Ведь бывало такое: прихожу на

что же такое «шоу». Да и просто обидно: почему Мадонна может позволить себе шесть-семь раз поменять за время концерта сцену, а мы не можем. Оказалось, что и мы можем, хотя и с проблемами, с огромными финансовыми трудностями.

А с нынешней программой я не очень хотел работать. Вы знаете — в нее вошли известные песни из «Полнолуния», несколько новых песен Юрия Чернавского и популяр из старых песен Давида Тухманова и Раймонда Паулса. Мне ка-

— Вы чаще говорите о кино. Почему не театр?

— Я делал такие попытки. «Джордано Бруно» — одна из них. Но в наших условиях это нежизнеспособно. Это нельзя везти по стране. Спектакль «Джордано» был сыгран 47 раз — и погиб. Мы в такой экономической ситуации, когда ничто серьезное не живуче.

Мне действительно бывает скучновато внутри песни. Увы, не всегда получается творить то, что хочется. Вот и мечешься в рамках своего жанра: то шоу, то музыкальный спектакль, то песенная программа, то эта пластинка, то та...

— Может быть, вас не зовут в кино оттого, что вы не умеете подчиняться чужой режиссуре?

— Но это не так! Я всегда, открывши рот, внимаю каждому слову хореографа или режиссера, с которыми работаю. Каждый день стараюсь чему-то у этих людей научиться. Есть кинорежиссеры, которые мне близки. Очень люблю фильмы Никиты

спектакля «Кошки» Вебера весь мир «стоит на ушах». У нас пришли — и вежливо похлопали, не более того.

— Думаю, это оттого, что «Кошки» — замечательный спектакль, но все же чистая «развлекаловка». А трагические ленкомовские мюзиклы «Тиль» и «Юнона и Авось» совсем не случайно становились событиями в нашей жизни. И вы совсем не случайно возвращаетесь из своих вояжей в Россию (и будете, я верю, возвращаться). Потому что нет других зрителей, которым так нужен был бы ваш пронзительный праздник. Нигде не живут так тяжело — но и не рвутся так упорно к радости.

— Мне спокойнее вне России. Но ведь там хорошо отдыхать. А моя аудитория прежде всего здесь, и этим все сказано. Хотят здесь

лится. Я далек от оптимистических ожиданий.

— Но вы же видите, что вас слушают и слышат! Уже много лет слышат!

— Ну а думаю совсем о другом. О том, что вовремя не спустилась лестница, что здесь подпортили со светом, а там звук был не такой, как надо. И после каждого концерта я злой, всегда найду что-то неудавшееся.

— Фраза из вашего интервью: «Я себе совсем не дорог». Это так?

— Думаю, что большинство людей относится к себе гораздо лучше, чем я. Я отношусь к себе как попало, это уж точно.

— Бывают минуты, когда за вас страшно. Есть ощущение, что, работая «на пределе», вы переходите грань, за которой начинается саморазрушение. Работаете ли вы сознательно на самосохранение, самовосстановление?

— Нет, никогда не думаю об этом. Мне важна сиюминутная «температура», в которой я нахожусь, атмосфера, которую создаю. Я нахожу в этом удовольствие, знаю, что такая работа «на пределе» — мое самое яркое и сильное качество.

— Вы давно научились

— Прежде всего — сознание собственной правоты. Того, что совершаешь правильные поступки. И, конечно, люди, которые солидарны с тобой в этом, поддерживают тебя.

— Когда-то прочла, что давным-давно вы работали на кирпичном заводе. Потом была льнопрядильная фабрика — тоже работа не из веселых. Не оттуда ли желание карнавала вопреки будням?

— Жизнь сложилась такой пятнисто-полосатой, и разные ее периоды кажутся разными жизнями, а все тогда случившееся словно происходило вообще не со мной. Вспоминая, я даже говорю про себя «он» — он там жил, то-то делал. Не «я», а «он»...

— Что может привести вас в ярость?

— Тупость. Органически ненавижу тупых людей. Чесаться начинаю.

— Что согревает душу?

— Доброта людей. Они дарят мне не только аплодисменты и цветы. Вручают пакетики, а в них вязаные вещи — теплые носки, свитера. Шьют рубашки... Приносят в баночках еще теплый суп. Стараются меня утеплить, приукрасить, подкормить. Это такие понятные, простые поступки, и очень теплые. То, что я сам делаю на сцене, тоже направлено по вектору добра. И я хочу, чтобы из зала мне поступил ответ на доброе чувство, которое я испытываю к людям. А иначе вообще незачем выходить на сцену.

— Откуда появился ваш замечательный балет «Тодес»?

— Они были уже сформировавшимся коллективом, которому я предложил работать со мной. Это очень творческие люди, их руководитель Алла Духова легко «заводится» на новую музыку, новый номер, начинает что-то придумывать. Мы почти все делаем во время гастролей в провинции. В этом слове есть, может быть, некий оскорбительный налет. Но я родился в провинции, состоялся как артист именно там, и вся моя жизнь проходит в основном в провинции, а вовсе не в концертном зале «Россия», или в Америке, или в Индии. У нас практически не бывает репетиционных периодов. Мы все делаем в дороге, в дороге, в дороге...

Беседу вела
Светлана СУХАЯ.
Фото ИТАР—ТАСС.

Валерий Леонтьев по дороге в Голливуд

собственный концерт, а на вахте меня не пускают. Перед концертом являлись умные дяди в черных костюмах и срочно требовали тексты. А потом сидели в зале и сверяли их с тем, что я пел. И, к своему неудовольствию, крамолы не находили. Я же не клал режим. А опасность, видимо, была в том, что я нестандартным образом пел, жил, чувствовал. Ведь чувствовать тоже надо было как все, как положено.

Сегодня другая беда. Я не могу считать себя знатоком в сфере социальных, экономических или политических отношений. Но я всем существом своим ощущаю, как напряглась, раскалилась психическая и нравственная атмосфера в обществе. Это убивает желание что-либо делать.

— И все же новая программа показана поклонникам. И концерты прошли при переполненном зале. Это совсем другая программа по сравнению с тем, что мы видели в октябре 93-го. «Полнолуние» вполне соответствовало заявке на супер-шоу. Сегодня вы вышли к публике с монологом, причем с трагическим монологом.

— «Полнолуние» было пробой нового жанра. На протяжении ряда лет люди слышат загадочное слово «шоу», но что оно означает, многим неведомо. Зажгли три фанаря, надули два шарика — и крику на всю страну: «Шоу!» Хотелось сделать яркое зрелище. Там было шесть сменных декораций, около 70 костюмов. Хотелось показать,

залось, что лучше выступить осенью с совершенно новой программой, с учетом последнего альбома «По дороге в Голливуд», записанного в Лос-Анджелесе. Но меня убедили, что песни, звучащие сегодня в теле- и радиопрограммах, вполне жизнеспособны. Мы не стали ничего городить, сделали просто концерт, без особого акцента на театральность или пышность.

— Московские концерты позади. Что дальше?

— Питер. А потом опять Лос-Анджелес. Там будет закончена работа над альбомом. Кроме того, буду снимать клип. Здесь «клип-деление» как-то не получается, а там эти отношения складываются.

— По-моему, лучший из ваших клипов — «Белая ворона». Вы там работаете в гриме — вначале старец с бородой, тусклые глаза, за три-четыре минуты несколько образов. Мне кажется, вам уже давно тесно внутри песни, вы «выламываетесь» из песенного жанра. Не раз вы говорили о своем желании работать в кино. (Знаю, например, что были пробы на роль Христа — не случилось.) Это желание живо?

— Да, я по-прежнему очень хочу сниматься. Но у киношников свой профессиональный мир. Свой рынок, своя актерская тусовка, где полно актеров, которые всегда наготове. Режиссерам незачем бегать на эстрадные концерты, чтобы выискивать артиста на интересную роль.

Михалкова, почел бы за честь работать с ним. Но понятно, что у него свой актерский состав. И потом опять-таки многое упирается в экономический бардак. Ну отснялся я в главной роли в фильме «Экстрасенс». Но ведь его никто не видел — он не пошел в прокат. Почему — понятия не имею.

— В одном из интервью вы определили отрезок активной творческой жизни артиста довольно безжалостно — от 30 до 50 лет. По-моему, он больше, но в вашем жанре все же достаточно быстро течет. Что дальше?

— Иногда я пытаюсь задать себе этот вопрос. Но он настолько пугает меня, что я даже не ишу ответа...

— Вы не раз говорили, что думаете о книге. О чем она может быть?

— Только не мемуары. Упаси Господи — кряхтеть и вспоминать. Она могла бы быть о человеке нашей профессии, я мог бы вложить в нее прожитое и понятное. Это не просто, но все-таки, думаю, осуществимо.

— В спектакле «Джордано» вы вплотную приблизились к актерской профессии. Эта работа породила много споров. Считаете ли вы, что она стала вашей удачей?

— Это как раз и была возможность выразить себя не только в рамках песни. Я играл там сразу три роли — был шутком, воплощением сатаны и самим Джордано. Но наш зритель не очень готов к таким формам творчества. От

— вечный «праздник со слезами на глазах».

— И даже праздник на фоне смерти. Но я уверена, что в эти дни люди в зале вас поняли.

— Я рассуждал очень просто. Если они пришли на концерт, несмотря на весь трагизм происходящего, значит, им это было нужно. Так почему я должен повернуться к ним спиной и уйти?

— Вы умеете плакать — или жизнь отучила?

— Умею. Еще умею. Но не делаю этого.

— Слава, известность — обретение или потеря для вас?

— Атрибутика профессии. Жаловаться на это грешно. Хотя я не принадлежу к числу людей, которые умиряют от восторга, когда их узнают. Потому что я хочу идти гулять, хочу идти в магазин или в кино...

— Вы помните, когда последний раз были в метро?

— Наверное, году в 80-м или 81-м.

— В одном давнем интервью Олег Газманов говорил светло и наивно: «Мне иногда кажется, вот спую я еще одну песню — и люди все поймут и станут добрее». У вас бывает подобное ощущение?

— Скорее всего нет. В душе всегда тяжелый груз. Мне кажется, что нужно очень долго и упорно работать, чтобы достучаться до людей. Я всегда на всякий случай готовлю себя к тому, что песня не пройдет, не нужна никому. А концерт прова-

создавать «чужую» радость. Что помогает восстановлению собственной души? Много часов одиночества?

— Скорее всего так. Моё любимое занятие — ничего не делать. У меня даже есть теория о том, что я вообще всему обязан своей лени. Каждый день заставляю себя превозмогать эту лень и в результате чего-то добиваюсь. Еще есть примета: если я чего-то очень не хочу делать, но заставляю себя — потом это становится удачей.

— В вас сильно стихийное начало. Природа способна вызвать в вас большие чувства?

— Конечно, прежде всего именно это! Естественная гармония или буйство природы. Море, горы, сильный ливень или буря. Или наоборот — закатные часы или восход, дающие состояние умиротворения. Это и есть самое действенное лекарство.

— Помните, у Стругацких в «Пикнике на обочине» был волшебный Золотой шар. Он выполнял не просто высказанное, а только самое заветное желание человека. Вы могли бы сформулировать такое желание?

— Я боюсь его формулировать. Мне кажется, оно было бы слишком эгоистичным, поэтому я даже про себя его не произношу.

— Вы сильный человек?

— Я не считаю себя сильным. Но приходится заставлять себя быть таким.

— Что дает вам чувство защищенности?

